

которые совершенно не владеют этими науками, и в Париже это даже вошло в моду. Бэкон адресует свою критику именно парижским университетским кругам; к ней он с прежней энергией возвращается в «Третьем сочинении» («Opus tertium»), где требование прав для семи свободных искусств связывается с идеей универсального откровения Слова, идеей, часто возникавшей в умах после св. Юстина. Если он хочет, чтобы читали подлинные тексты языческих писателей, то потому, что они вдохновлены самим Богом. Сократ и Апулей говорят об ангелах-хранителях, о бессмертии души и о грядущем суде; не только Платон, но даже Аристотель ощущали, хотя и смутно, тайну

Глава VII. Греч, и араб, влияния в XIII в. и основание университетов

304

Троицы, а поскольку эти истины превосходят возможности человеческого разума, они познали их через какое-то Откровение. «Истины подобного рода необходимы людям; вне их познания нет спасения; значит, для спасения всех от начала мира было нужно, чтобы люди познали подобные истины в той мере, которая необходима для их спасения... Посему подобает, чтобы философы, посвятившие себя мудрости, знали некую часть совершенной истины, благодаря чему она будет лучше воспринята в должный момент». Среди философов, вдохновленных истиной, Бэкон на первое место ставит Сенеку, рукописи которого он собирает, переписывает и правит, равно как без зазрения совести воспроизводит, излагая собственное моральное учение. В самом деле, этика Роджера Бэкона извлечена из таких произведений Сенеки, как «О блаженной жизни», «О гневе», «О милости», «Утешение к Гельвии» и «Письма к Луцилию». Сенека в его глазах — «мудрейший из людей», и Бэкон считает, что ему было дано «откровение, какое Бог дает очень немногим». Так что в XIII веке не совсем потерялась из виду возможность теологии, основанной на совокупности семи свободных искусств, и совершенно иного типа, нежели схоластическая, но Бэкон только составил ее проект, который был не в силах осуществить.

Неверно утверждать, что Бэкон пребывал в полной изоляции. Помимо двух «блестящих математиков», которых он цитирует, — Иоанна Лондонского и Петра из Марикура, автора запрещенного трактата о магнетизме («Epistola de magnetete»), — можно упомянуть еще об одном оксфордском францисканце — Иоанне Пеккаме, которого мы находим среди противников св. Фомы Аквинского и его теологического стиля*. Совсем не случайно этот защитник святоотеческой теологии являлся одновременно одним из редких представителей культуры «квадривия». Бэкону мы обязаны трактатом по оптике, успех которого был столь велик, что ему давали названия типа «Всеобщая перспектива» («Perspectiva communis»), «Трактат о сфере»

(«Tractatus sphaerae»), «Теория планет» («Theoricoplanetarum»), «Основания математики» («Mathematicae rudimenta»). Английский доминиканец Роберт Килвордби, также враждебно настроенный по отношению к томистской теологии и тенденциям, которые ее вдохновили, оказался автором одного знаменитого средневекового комментария к книгам I—XV Присциана. Отметим наконец, что на протяжении XIII века сохранялся жанр «энциклопедии». Он не просто выжил, но в произведениях Винченца из Бове (ум. в 1264), французского доминиканца, опекуна сына Людовика Святого, достиг своего совершенства. Обширная компиляция Винченца «Зерцало мира» («Speculum mundi») делится на четыре части, из которых самому Бове принадлежат три первые, тогда как четвертая была добавлена уже после его смерти: «Зерцало вероучения» («Speculum doctrinale»); «Зерцало истории» («Speculum historiale»); «Зерцало природы» («Speculum naturale») и добавленное позднее «Зерцало морали» («Speculum morale»; ок. 1310—1320)**. Винцент из Бове — самый прославленный энциклопедист XIII века, однако не